

АЛЕКСАНДР АРЦИБАШЕВ

ВВЕРХ ПО НЕЙВЕ-РЕКЕ

По пути в Невьянскую слободу остановились у кромки пшеничного поля. Изумрудные стебли озими перемежались с подпаленными проплешинами на взлобках, где солнце жгло особенно ярко; трещины в земле зловещими зигзагами расплзались во все стороны, оголяя и без того страдающие от жары корни растений. В знойном мареве с колосьев мгновенно испарились капельки влаги от ночной росы. Два месяца без дождей...

Иван Александрович Пырин вышел из машины, сорвал соломинку и просунул в щель:

– Смотрите, как разорвало междурядья, – три ладони в глубь... Что тут соберешь? Столько сил и средств ушло на посевную! Вспахали, подкормили всходы, обработали гербицидами... Наполнение колоса-то хорошее, зерно в наливе. Надо бы дождичка, но Господу не прикажешь. Еще недельку, другую вот так пожарит – и подсчитывай убытки...

Он говорил спокойно, но во взгляде сквозила тоска. За ним две сотни крестьян, для которых эта земля воистину кормилица. В колхозе “Пламя” (по-новому сельскохозяйственно-производственном кооперативе), которым руководит Пырин, около четырех тысяч гектаров пашни, 1200 голов крупного рогатого скота, в том числе 530 коров. В Алапаевском районе это хозяйство считается одним из справных. Земля ухожена, каждый год развозят по полям много навоза с ферм, как делали исстари деды. Породистое стадо: в среднем надой молока на корову под шесть тысяч литров. Продают племенных телочек черно-пестрой породы. Доход хоть и не особо велик, но все-таки “живые” деньги. Они нужны каждый божий день.

Познакомился с Иваном Александровичем два года назад, когда приезжал в Алапаевск так же вот, в сенокосную пору, чтобы прояснить ситуацию с катастрофически убывающим поголовьем коров. За двадцать лет демократических “реформ” в целом по стране в коллективных хозяйствах перевели тринадцать миллионов буренок. Это непостижимо! Ныне вроде бы спохватились, выделяют огромные средства на развитие животноводства, но коров как резали, так и продолжают резать. Есть над чем задуматься. Всесильное лобби, контролирующее импорт продовольствия аж в 40 миллиардов долларов, не дремлет: диспаритет цен душит деревню. Зерно, мясо, молоко крестьянам приходится отдавать, по сути, за бесценок.

Давний разговор с Пыриным остался в памяти. Тогда не удалось съездить в Невьянскую слободу. Иван Александрович разложил проблемы деревни, что называется, по полочкам. Оказывается, даже в жестких условиях рынка можно хозяйствовать эффективно, если наладить добрые отношения с партнера-

ми. Палочкой-выручалочкой для СХПК “Пламя”, как и других хозяйств района, стал, в частности, Кушвинский молокоперерабатывающий завод, который работает исключительно на натуральном сырье. Продукция с названием “Молочная Благодать” идет “с колес”, пользуется большим спросом на Северном Урале. Помнится, в 2008 году кушвинцы перерабатывали в сутки 100 тонн молока. В начале этого лета позвонил директору завода Юрию Александровичу Жукову:

– Ну что, не подмяли конкуренты?

– Пока держимся. Увеличили объем закупок молока до ста семидесяти тонн в день, – сказал Жуков. – Значительно расширили круг поставщиков сырья: Алапаевский, Ирбитский, Серовский, Пригородный, другие районы. Разворачиваются фермеры, владельцы личных подворий. Даем им деньги на развитие в счет поставок сырья. Сами берем кредиты в банке, поскольку есть что заложить. А вот у хозяйства с залоговой базой туговато... Предпочитаем работать самостоятельно – без вхождения в состав крупных молочных компаний...

– По какой цене сейчас принимаете молоко?

– В зависимости от качества. В среднем – двенадцать рублей за килограмм. Причем как зимой, так и летом. От “сезонности” ушли. Это не устраивало крестьян. Нельзя подрубать сук, на котором сидишь...

Нынешняя жесточайшая засуха, поразившая более трети регионов России, заставила листочий раз призадуматься: как же все-таки нам обустроить деревню? Полумеры ни к чему не привели. Импорт продовольствия продолжает расти, при том, что инвестиции в агропромышленный комплекс все солиднее и солиднее. Увы, до земли деньги не доходят. Опора на крупный бизнес не оправдала себя. Если сказать прямо, то новоявленные латифундисты просто паразитируют на земле, увеличивая баснословные капиталы за счет казны. А крестьяне брошены на произвол судьбы.

Исполнилось сто лет со дня начала реформ Петра Аркадьевича Столыпина. Главной его целью было посадить крестьянина на землю. В 1913 году объем намолоченного зерна в России превышал 86 миллионов тонн. Подчеркну: в амбарном весе. То есть, зернышко к зернышку. О каких рекордных урожаях толкуем? Качественного зерна, годного для хлебопечения, всего 15–20 процентов. Это говорит о неблагоприятном положении дел в зерновой отрасли. А что соберем этой осенью? Неизвестно. В Центральном Черноземье крестьяне с горечью рассказывали мне, что ежегодно новые хозяева приглашают на жатву турок вместе с комбайнами. Неужели это выгоднее? Сомневаюсь.

В Свердловской области засуха затронула часть районов. В предгорьях травостой неплохой. Поинтересовался у заместителя министра сельского хозяйства и продовольствия Михаила Копытова:

– Обращались за помощью соседи?

– Звонили из Башкирии, Челябинской области, – сказал Михаил Иванович. – Дали адреса, где можно накосить сена, но пока никто не приезжал...

– Сами-то сколько кормов заготовили?

– Треть от потребности. Обычно выручал второй укос. Нынче трава вряд ли успеет отрасти. Особенно подсушило Красноуфимский, Артинский, Ачитский, Нижне-Сергинский, Сысертский районы, на восточном склоне Уральского хребта положение получше. Надеемся припасти в среднем на корову не менее двадцати – двадцати пяти центнеров сена и сенажа.

– А с зерном что?

– Под пшеницей, ячменем, рожью – четыреста шестьдесят тысяч гектаров. В прошлом году намолотили около семисот тысяч тонн. Потребность – вдвое больше. Птицефабрики уже сейчас пополняют запасы, пока цены на зерно не подскочили. То же самое и свиноводы. Однозначно: зимовка будет сложной...

Заглянул в статистический справочник. За 2009 год поголовье крупного рогатого скота на Среднем Урале сократилось с 284,3 тысячи до 268,2. Минус шестнадцать тысяч. В том числе – семь тысяч коров. Их осталось всего 118 тысяч. Для сравнения: век назад здесь было 750 тысяч КРС. Коров – 384 тысячи. Вот какой разрыв!

...По обе стороны Режевского тракта сосновые боры. Обычно в межень лета на обочинах много торговцев дарами природы: черникой, малиной, смородиной, грибами. Нынче с лесной снедью туго, а значит, нет и приработка у селян.

Прослышав про нехватку кормов в Татарии, Башкирии, Челябинской области, местные фермеры торопятся обкосить все ложбинки, берега речек. На сене можно неплохо заработать. То тут, то там – стожки, копешки, рулоны.

От Екатеринбурга до села Невьянского двести верст. Ехали с Пыриным и толковали о крестьянском житье-бытье.

– В городе охотно молочко пьют, но не ведают, каким трудом оно дается, – сетовал Иван Александрович. – Зимой морозы так пробрали силосные траншеи, что верхний слой пришлось разрезать бензопилами. Немало кормов пропало. Коровам было зябко. Перепады температур сказывались на надоях. Теперь сушь одолела. Каково в раскаленной кабине трактористу трястись с утра до позднего вечера! Но народ понимает: упустишь время в страду – зимой придется тяжко. Потому не ропщут, работают на совесть...

Разговор прервал телефонный звонок. Лицо директора помрачнело. Речь шла о нехватке горючего. Закончив говорить с нефтебазой, Пырин сокрушенно мотнул головой:

– Ну вот, опять чехарда на заправках. Вроде бы сделали добрый жест – снизили на десять процентов цены на бензин и дизтопливо на период уборочной. А что вышло на деле? Установили месячные лимиты: не успел выбрать – заявки аннулируют. Требуется масса согласований. Дня не хватит, чтобы разгрести все проблемы. Затягивают нынче строительство нового скотного двора на двести коров. Стройматериалы, оборудование – все дорого. Вот и думаю: “Вытянем ли?” Слышал, в Тюменской области возвращают хозяйствам до восьмидесяти процентов затрат. У нас про это – молчок. Казалось бы одно государство... Вообще, в лице крестьянина видят не сельхозтоваропроизводителя, а исключительно налогоплательщика: доят и доят без конца. Такой пример. Полвека берем воду из родника. Вдруг нагрянул Роспотребнадзор: срочно сделать проект санитарно-защитной зоны. Стоит документация триста шестьдесят тысяч рублей. Пришлось заплатить. А что изменилось? Да ничего. Как брали воду, так и берем... Или вот экологи чего придумали – заставили составлять паспорта на отходы производства. А их десятки видов: от старых аккумуляторов и фильтров – до обыкновенных валенок и ветоши. За каждый паспорт выложи двенадцать тысяч! Опять набегают кругленькая сумма. Да еще смотайся в Екатеринбург с томами бумаг, чтобы их утвердить. Весной приехал инспектор Ростехнадзора проводить техосмотр. У грузовика ширина бортов оказалась на пять сантиметров больше – раздались от перевозки тяжелых грузов. Что вы думаете? Выписали штраф на две тысячи рублей...

Меж тем и на Урале потихоньку скупают у крестьян земельные пай. Например, бывший колхоз “Деево” оказался под “крышей” владельцев Екатеринбургского завода медицинского оборудования. В “Арамашево” одно время хозяйничала фирма “Стиль-Профи”. Построили теплицу для выращивания роз, но дело не пошло. Продали с долгами в семнадцать миллионов рублей. Одному из банков. Скот пустили под нож. Поля засорены овсюгом. Три года назад у арамашевцев покупали пай в шесть гектаров за девяносто тысяч рублей, нынче в колхозе имени Ленина отдадут втрое дешевле – лишь бы выручить хоть какие-то деньги.

Как дальше думают жить? Огромные пространства в зарослях кипрея, донника, таволги, пырея...

Остановились в старинном селе Коптелово. Здесь Кушвинский молокозавод построил приемный пункт, куда приносят излишки молока частники. В некоторых дворах по две – три коровы. Рядом, в кирпичном доме бывшего купца Торопова, краеведческий музей. Чего только не натащили: телеги, сани, сохи, плуги, веялки, крупорушки, бадьи, самовары, ткацкие станы, косы, серпы, утюги, граммофоны...

Заведующий музеем, краевед Леонид Федорович Русаков охотно согласился показать коллекцию крестьянской утвари, но прежде повел к избушке, от которой берет начало родник с исключительно чистой водой, стекающей в деревянный желоб. Подставил ладони, попробовал водицы. До чего же вкусна!

Село основали в семнадцатом веке казаки. Следом пришли крестьяне. Занялись хлебопашеством. Строились тогда основательно. Сохранилось подворье некой бабы Кати. Избе – аж триста лет! Сейчас сюда водят экскурсии. Заглянул внутрь. Низкая притолока, широкие палаты, русская печь с лежанкой, скамейки вдоль стен, детская зыбка на жердочке... Городские ребята с интересом слушают экскурсовода Галину Кирилловну Кокшарову. Она – по-

томок местных вогуличей, живших на Урале еще до прихода Ермака. Увлеченно рассказывала о крестьянском быте. Помимо пшеницы, ржи, овса, ячменя, гороха, раньше тут сеяли еще и коноплю, хмель, лён. Собирали дикий мёд, драли лыко, ткали мочальные рогожи и попоны, плели веревки. В бабушкиных сундуках отыскивались расшитые свадебные полотенца, сарафаны, платки. Примечательно, что в старину использовали при шитье всего два цвета: черный и красный. Как олицетворение жизни и смерти... Все было продумано до мелочей. Скажем, телеги делали только одного размера, на шляпке каждого кованого гвоздя кузнец ставил свое клеймо. Были искусные бондари, шорники, сундучники, шерстобиты, скорняки...

Русаков подвел к метровой иконе, висевшей на стене. На черных выщербленных плахах едва проступал лик Богородицы с младенцем.

— Нашли полвека назад у берега реки Реж, — тяжело вздохнул Леонид Федорович. — Это “Знамение” Невьянской школы иконописи. Откуда приплыла? Неведомо. Вероятней всего — из какой-то верхней деревни. К сожалению, в Коптелове церковь Вознесения Господня в полуразрушенном состоянии. При Хрущеве пробовали ее взорвать, но стены выдержали. На восстановление храма нужны немалые средства. Вот где место иконе...

Невьянской слободе почти четыре века. По царскому указу здешние земли были отведены крестьянам для хлебопашества еще в 1619 году. Места живописнейшие! В полуверсте от села реки Нейва и Реж сливаются, дальше течет Ница. Крутые берега, заросли краснотала, песчаные отмели. Много рыбы: чебак, окунь, налим, щука, карась, судак, нельма...

Пырин родом из деревни Бабиновой, что вверх по Нейве. Почему-то решил свозить туда, хотя поселения давно нет. Без труда нашел место, где стоял родной дом. Подворье заросло крапивой. Постоял молча с минуту и, вздохнув, обронил:

— Чего бы тут не жить? Плодородные земли, лес, река. Построили бы в свое время дорогу, и народ не разбежался бы. Отец, Александр Терентьевич, и мать, Лидия Васильевна, всю жизнь проработали в колхозе. На старости лет пришлось перебраться в Невьянское. Живут в своем доме, выращивают картофель, овощи. Конечно, жалеют, что уехали со старого места. Смотрите, какое приволье! Нас у родителей было пятеро. Не считали себя обделенными судьбой. Бегали в школу за восемь километров — и ничего!

— Таких деревень по России десятки тысяч, — заметил я, — миллионы гектаров пашни в запустении.

— То-то и оно, что крестьяне оказались лишними в государстве, — подхватил Иван Александрович. — В магазинах все импортное. Поддерживаем заокеанских фермеров, а сами бедствуем. Крестьяне не могут сбить выращенное по приемлемым ценам. Попробуй-ка сунься с “живым” молоком в супермаркет! Не возьмут. Сподручнее торговать порошковым. Больше навару. Смотрите, что получается. Год назад прибыль хозяйства составляла восемнадцать миллионов. Нынче только одиннадцать. А молока надоили на триста тонн больше! При том, что стоимость горючего, запчастей электроэнергии резко скакнули вверх. Вот и попробуй выжить...

Поразился, как Пырин удерживает в голове все колхозные поля. Вел “Уазик” и перечислял:

— Наделы в основном мелкоконтурные. Самое большое поле — сто шестьдесят гектаров. В Кузнецовском логу — девяносто пять, Клину — девяносто, Овчинникове — сто пятнадцать, Григорьеве — восемьдесят, на Бабиновой горе — семьдесят, в Ситиных ямах — двадцать восемь, в Ключах — девяносто, Красной молотилке — сорок пять... Много “пятакчиков” в два — три гектара, но не бросаем, чем-то засеваем... Сначала скосили рожь на корм скоту, потом козлятник, клевер. “Зеленый конвейер” действует без остановок. По старинке выгоняем стадо на выпаса. На таежном разнотравье молочко куда вкуснее!

Кабина машины раскалилась, нечем было дышать. Подъехали к лугу, где сновали два трактора “Беларусь”: один сгребал сено, другой закатывал в рулоны. Пырин шагнул к валку и вытащил из травы срезанную молодую березку. Отбросил деревце в сторону. Пояснил:

— Попадет в пресс-подборщик, может произойти поломка. А у нас их всего два. Купить новый пока нет возможности...

— Сколько ж за день выработка у косарей? — спросил я.

— До ста тюков, если трудиться от зари и до зари.

Оба механизатора с медными от загара лицами, глаза — с искринкой. Помоложе оказался племянником директора. Светловолосый, улыбочивый. Крепко пожал руку:

— Иван Сергеевич Пырин. Закончил Алапаевский индустриальный техникум. По специальности автомеханик. В колхозе шестой год.

— Не женат?

— Пока не нашел невесту. Живу с мамой и сестрами.

— Какого года рождения?

— Двадцать пять лет.

— По лицу — вроде не пьешь, работающий... Чего с невестой-то загвоздка?

Он смутился, опустил взгляд:

— Девчонки после школы нороят в город умотать. Куда тут пристроиться? Разве дояркой на ферму. Не каждая согласится.

— Значит, скучаешь?

— Некогда. На подворье три коровы, два теленка, поросята, куры. Излишки молока и мяса продаем.

— На машину не заработал?

— Ну да...! Попробуй при нынешнем раскладе. Зарплата всего десять тысяч рублей. Зимой и того меньше...

Другой механизатор, Евгений Стафеев, средних лет. Живет в соседней деревеньке Елань. Смеется:

— Пока служил в морфлоте в Архангельске, присмотрел дивчину и привез на Урал. Сыну уже восемнадцать лет. Учится в техникуме. На жизнь не жалуюсь, но хочется куда-то вырваться и посмотреть, как другие живут. Мы ведь тут ничего, кроме работы, не видим. Дадут отпуск — надо сена накопить, дров напилить. В суете месяц и пролетит. Тоже держу корову, трех бычков, птицу. Все лишняя копейка! У нас с детства "прививка" к крестьянскому труду, а молодым ныне ничего не нужно. Коров у частников все меньше и меньше. Пасем по очереди. Раньше брался за кнут раз в месяц, теперь — через две недели. Хорошо, что колхоз дает зерно. Размелем — и в пойло скотине. Привыкли жить неторопливо...

Избы в Елани разбросаны. Петляем по деревне, выглядывая жилые дворы. Много домов с заколоченными окнами. У высоких ворот замечаем машину. Стучим в дверь. На стук откликнулся пожилой мужчина, по виду горожанин:

— Проходите. Как раз успели к чаю.

— Да мы на минутку, — объясняет Пырин. — Слышал, у вас на неделе сразу три дома сгорело. Отчего пожар?

— Кто знает... В такую сушь трава, словно порох. Бросил кто-то окурочек — и пошло полыхать.

За чаем разговорились. Хозяин — Игорь Леонидович Свешников — бывший офицер. Имеет квартиру в Екатеринбурге. Восемь лет назад врачи обнаружили у него опухоль, посоветовали уехать в деревню, где экология получше. Так и сделал. Купили с женой по дешевке дом в Елани, распахали огород. Он — охотник, рыбак. В этом отношении тут раздолье. Рядом поселились еще три городских семьи. Есть к кому сходить в гости. Но случилось непредвиденное: прошлой зимой среди ночи Свешниковы погорели.

— Чудом спаслись, — рассказывал Игорь Леонидович. — То ли проводка, то ли поджог... Успели взять только самые нужные вещи. Что делать? Посудили-порядили и решили купить вот этот пустовавший дом. Неохота была никуда уезжать. Чувствуем себя здесь хорошо. За продуктами ездим в село Кировское, что в восьми километрах. Всю деревню снабжаем. Так и живем...

Эта встреча всколыхнула душу. Вспомнилось собственное детство в таежном поселке Калья. Помнится, гордился тем, что у нас свой дом, огород, корова, теленок, птица. Радовались, когда родители брали на сенокос. Тучи комарья, мошки... На это не обращали внимания. Знали: надо заготовить не меньше трех тонн сена, чтобы зимовка у животных была сытной. Ну и, конечно, выручала картошка. Как ни крути, но Россия нынче держится за счет личных подворий, которые дают половину всего производимого молока и мяса, девяносто процентов овощей. У частников — 5 миллионов коров, тогда как в коллективных хозяйствах — всего 3,5 миллиона.

Кстати, Пырин тоже держит на подворье корову. А как иначе? Трое дочерей: Татьяна — педагог, Мария — журналист, Наталья — архитектор. Подрастает внучок Ваня. Домашнее парное молоко — это же чудо!

Заехали на ферму в деревне Ключи. Скотный двор хоть и старенький, но

прибранный, чистый. Упитанные коровы. Молокопровод, холодильник. Доярки ухаживают за животными, словно за своими. Потому и надои высокие.

Вера Борисовна Васильева, проработавшая на ферме одиннадцать лет, заметила:

– Деревне немножко надо помочь, и жизнь преобразится. Самое узкое место ныне – это животноводство. Хорошо, что вернулись к дотации на молоко – три рубля за литр, – но деньги ждем целый месяц. В магазине-то сразу расплачиваются. Получается, вроде в долг даем... Или вот такая проблема: в селе семьдесят малышей, и только треть ходят в детсад. Нет мест. Смешно: кругом тайга, ну выделите делянку и дайте лес на постройку! Нет, все медлят с этим...

Через Невьянскую слободу в старину проходил зимник от Верхотурья до Тобольска. Ямщики гнали тройки через села Меркушино, Бубчиково, Измоденово, Шипицыно, Тычкино, Мугай, Анисимово, Плюхино... В Ключах переводили дух, подкреплялись на постоялом дворе и снова отправлялись в путь, минуя деревни: Ницинскую, Брешно, Бердюгино... Там вскоре Ирбит, где в январе проходила знаменитая ярмарка. Жизнь была ключом. Сибирь давала полновесные урожаи зерна, пол-Европы снабжала коровьим маслом. Об этом не стоило бы забывать.

Побывав в хозяйстве у Ивана Александровича Пырина, понял простую истину: крестьянам не надо только мешать, они сами сообразят, как возродить деревни. Уверен: даже в этот засушливый год в СХПК "Пламя" будут и с зерном, и с молоком, и с мясом. На такие коллективы и следует делать ставку в развитии сельского хозяйства.

... А в Екатеринбурге, как и по всей России, кипят страсти с переделом земель. Сие считается очень выгодным вложением средств. Прикупают пашню сотнями тысяч гектаров. Спроса за использование ее по прямому назначению нет. Вот и пользуются этим разного рода проходимцы. Когда остановимся?

Возник конфликт даже из-за печально знаменитой Ганиной ямы, где были захоронены тела царя Николая II, его жены и детей, расстрелянных 17 июля 1918 года в Екатеринбурге. Здесь хотят сделать кладбище. Под него будто бы отвели аж пятьдесят гектаров. Понятно, что могилы будут продаваться. И не по маленькой цене. Кто-то хорошо продумал проект. Пока идет судебная тяжба, неизвестно еще, чем дело закончится.

С такой бы вот энергией занялись бы по-настоящему реформой агропромышленного комплекса. Увы, все недосуг...